

— А Чжи, на самом деле... я не намеренно выпрашивал о твоём прошлом. Просто вечером, возвращаясь с прогулки, проходил мимо бамбуковой рощи, случайно услышал разговор учителя с учеником, и в общих чертах уже всё понял.

Мужун Чжи сделал несколько мелких глотков медовой воды, потом больше не мог пить. Вяло откинулся на шезлонге, с выражением бесконечной усталости.

— Если сказать, что не удивлён, это тоже неправда. А Чжи, про всё остальное можно забыть, только одно меня до сих пор не отпускает.

...

Не отпускает... да?

Я... никогда тебе ничего не был должен.

В те годы это ты бросил меня, а после этого, даже если бы я грабил и убивал, совершал тяжкие преступления, это уже не твоё дело.

Если не можешь отпустить, просто уходи, зачем ещё приходишь и допрашиваешь меня?

Хотя Мужун Чжи так думал, он уже не хотел спорить, лишь горько усмехнулся, поднял рукав и прикрыл глаза.

— А Чжи... — Се Люй сидел на краю кровати рядом с шезлонгом, очень серьёзно спросил его:

— Меня это очень беспокоит. По сравнению со мной, ты... ты больше любишь того Тан Цзи, да?

— ...

— Иначе почему ты не пришёл выколоть мои глаза?

Он мягко отодвинул рукав, которым Мужун Чжи прикрывал глаза. Тот, с растрёпанными волосами, багровыми глазами, прямо смотрел на него, в печали сквозь недоумение.

— Потому что А Чжи... ты же тогда тоже мне так говорил. Говорил, если я не вернусь, даже до края света догонишь и убьёшь, но прошло десять лет, ты был в столичной резиденции генерала, а ты так и не пришёл. Даже когда я сам вернулся в Дворец Внимающих Снегу, ты не наказал меня. Наоборот... наоборот, тот Тан Цзи предал тебя, и ты действительно пообещал догнать его...

Мужун Чжи, опустив глаза, тихо усмехнулся:

— Хе, значит... за эти десять лет ты всё ждал, когда я приду убить тебя?

— Хотя и нельзя сказать, что ждал, но раз уж ты так сказал, когда я уходил, все эти десять лет я всегда чувствовал: если бы ты однажды действительно появился в резиденции генерала Чжэньюаня, чтобы забрать мою жизнь, я бы не слишком удивился.

— Тан Цзи... когда снова увидел меня в Горной усадьбе Кленового Листа, тоже не слишком удивился.

Мужун Чжи готов был плакать, но слёз не было, тихо усмехнулся над собой:

— Вы все такие... лучше позвольте мне убить себя, лишь бы сбежать от меня, чем остаться со мной.

— Э-э...

— Такие вещи я и так отлично понимаю, зачем тебе специально приходиться и повторять это мне? Раз уж ушёл, то то, что я не пошёл за тобой, уже твоя удача, зачем возвращаться и говорить мне, как было мучительно, как тошнотворно, как хуже смерти быть с тобой вместе?

— А Чжи! — Се Люй вспотел:

— А Чжи! Я... я не это имел в виду...

— А что же ещё? — Мужун Чжи, полный ненависти, поднялся, со следами слёз на лице, скрежеща зубами, сказал:

— Се Люй! Тан Цзи ненавидит меня, Ци Янь презирает меня, я, Мужун Чжи, сам виноват, мне нечего сказать! Но только ты, только ты...

— Только ты... я тогда... тогда к тебе...

— Я изначально... изначально мог жить один на Снежной горе.

— Хотя и одиноко, но так много лет, уже привык, я... я правда уже давно привык...

— Если бы не прожил с тобой те четыре года, если бы не попробовал тогда немного сладкого вкуса, я бы никогда не почувствовал... что страшно состариться в одиночестве с несколькими зомби!

— Раньше же... тоже всегда был один во Дворце Внимающих Снегу, жил столько лет, не чувствовал особого одиночества. Но после твоего ухода дворец внезапно стал очень большим и пустым, я везде видел тень, слышал твой голос. Часто думал, что ты вернулся, но каждый раз, прибегая ко дворцовым воротам, обнаруживал лишь пустую радость.

— Так... день за днём, я не чувствовал вкуса еды, не мог спать! Не знал, что делать, не знал, как быть, день за днём становился бесконечно длинным, с восхода солнца начинал ждать заката, но как ни ждал — не дождаться.

— Се Люй, разве я тогда... плохо к тебе относился? Неужели я... правда был настолько скучным и страшным? Неужели ты ко мне, ко Дворцу Внимающих Снегу никогда не испытывал ни капли привязанности? Ты же обещал вернуться, зачем обманул?

— ... Всё твоя вина. Почему ушёл и не вернулся? Зачем бросил меня одного?

— Ты же обещал мне, ты же с улыбкой договорился со мной! Я вообще... вообще не хотел никого ранить, тем более обманывать... Вы же все обещали вернуться и быть со мной, почему в конце концов предпочли лишиться одного глаза, лишь бы не вернуться? Я не понимаю, не понимаю...

Мужун Чжи всхлипывал всё сильнее, дыхание прерывалось, он больше не мог говорить.

Се Люй крепко обнял его. Слова, которые нужно было сказать Мужун Чжи ещё при подъёме на Снежную гору, только сейчас наконец были произнесены.

— Прости, А Чжи. Это всё моя вина.

Отчётливо зная, что извинения уже ничего не исправят.

...

Се Люй чувствовал себя настоящим подлецом.

Теперь, вспоминая, с каким намерением он вернулся на ту Снежную гору — отчасти желая, чтобы Мужун Чжи просто убил его, и они поквитались, — Се Люю стало неловко.

Мужун Чжи в те годы так искренне и честно относился к нему; а он не только не отплатил и капли, но кроме как ранить, обмануть и бросить его, ничего хорошего не сделал.

В конце концов, притащив сюда свою почти отжившую жизнь, хочет поквитаться?

Как тут поквитаться? Как можно расплатиться за те более десяти лет, что А Чжи прожил после его ухода, одной жалкой жизнью?!

Будь он на месте Мужун Чжи, наверное, давно бы умер от злости на такого везде ищущего выгоду мерзавца-нахлебника.

...

Спустя некоторое время, немного беспокойно, Се Люй снова спросил:

— Тогда, А Чжи, ты... ты... ненавидишь меня?

— А как думаешь! — Мужун Чжи, скрежещая зубами, с ненавистью глядя на Се Люя, разразился чередой сильных рыданий, под его похлопываниями немного успокоился.

Через мгновение, однако, мягко покачал головой.

— На самом деле... я не ненавижу тебя. Вы все не виноваты. Виноват лишь я... лишь я сам, от рождения ни человек ни призрак... ещё и мечтаю, чтобы другие остались со мной.

— Зная, что вы все боитесь меня, зная, что вы все считаете меня чудовищем, всё же продолжал безумно мечтать...

— А Чжи, нет, нет! Я никогда не считал тебя чудовищем! Как ты можешь так говорить? Я лучше бы ты ненавидел меня!

— Раз не считаешь меня чудовищем, тогда зачем... сбежал? Разве не потому, что боялся меня, боялся зомби-слуг в моём дворце, и сбежал?

— Эх, тогда я был молод и глуп! — На лице Се Люя была искренность, он взял Мужун Чжи за руки:

— А Чжи, за столько лет я наконец кое-что понял. Теперь я считаю, что твой дворец прекрасен! Правда прекрасен! Те зомби-слуги тоже очень послушные и милые! А Чжи, если ты не будешь презирать, я отныне буду хорошо жить с тобой во Дворце Внимающих Снегу, никогда больше не выйду! Давай... давай сразу вернёмся на Снежную гору, хорошо? В этой Горной усадьбе Кленового Листа всё равно скучно, пойдём, сейчас же вернёмся!

Мужун Чжи позволил ему держать свои руки, не двигаясь, выражение лица не выдавало ни радости, ни печали. Просидев так некоторое время, наконец тихо сказал:

— ...Ты же почти умер, конечно, можешь так говорить.

О, точно.

Се Люй почти совсем забыл об этом.

[Эх... все говорят, печально, правда так печально? А мне кажется, не очень печально. Неужели у меня такие грубые вкусы.]

— Даже если бы я не был почти мёртв, всё равно бы так думал! А Чжи, поверь мне!

— Ты обманул меня один раз. Я ни за что... не поверю тебе во второй.

— В этот раз я правда не обманываю! Ой, кстати, хоть я и искренен, но доказать тебе всё равно нечем, что же делать? — Се Люй в задумчивости почесал затылок, как вдруг услышал звон колокольчика у себя на груди:

— А! Точно, это... А Чжи, сначала посмотри, что я тебе купил!

Хотя на самом деле не покупал... кхм, можно сказать, специально для тебя достал.

Мужун Чжи, нахмурившись, смотрел на маленький колокольчик, не зная, что сказать.

— Ты одним колокольчиком... хочешь доказать искренность?

— Как смею, как смею! Просто помнил, что тебе нравится, поэтому нашёл возможность достать хороший. Послушай, разве тембр не лучше, чем у того, что тебе понравился в городке у подножия горы?

<http://bllate.org/book/15612/1393934>